

ПОТРЯСЕНИЕ

Можно долго перечислять все титулы и награды народной артистки СССР Татьяны Васильевны Дорониной. Но главное, что особенно высоко ценится в искусстве: у нее есть Имя. Имя, засверкавшее впервые в знаменитых спектаклях Ленинградского БДТ, имя, утвержденное в сердцах кинозрителей блистательными работами в кинофильмах «Старшая

сестра» и «Три тополя на Плющихе». Имя, которое ныне привлекает тысячи любителей искусства на спектакли Московского театра имени Вл. Маяковского.

Сейчас театр имени Вл. Маяковского гастролирует в Кишиневе. Т. В. Доронина любезно согласилась ответить на ряд вопросов корреспондента «Советской Молдавии».

— Татьяна Васильевна, какие черты характера в ваших героинях Вам ближе всего?

— Мне всегда был интересен человек, живущий как бы на пределе, взятый в момент наивысшего проявления своих духовных сил. Тогда удается честно и обнаженно исследовать в любом герое меру его человечности, даже если он откровенный злодей по замыслу. В спектакле «Да здравствует королева, виват!» по пьесе Роберта Болта я играю две роли — Марию Шотландскую и Елизавету Английскую. В отличие от романтической традиции Шиллера тут взгляд на события более трезвый, жесткий, можно сказать, отстраненный. Да, мы сегодня трезвые, даже немного ироничные аналитики. Но при всем при том, это же две живые, страдающие души. И если лишить их страсти, плоти и крови, будет на сцене логическая шарада, занимающая только мозг, но не трогающая сердце. Они разные: одна более всего — женщина, другая — государственный деятель. Но в то же время они во многом едины, как разные проявления сущности одного и того же человека. Это тема, гениально разработанная Ф. М. Достоевским, — тема «двойника», находящегося в каждом из нас. Не мне судить, проявилась ли эта двуединица в спектакле.

— Проявилась, Татьяна Васильевна. Восторженная овация, устроенная Вам после спектакля кишиневцами, тому свидетельство. Вы доказали, что две главные роли у одной актрисы в одном спектакле — не легкой аттракцион, а пластическое воплощение глубокой философской концепции спектакля. Дилектичность характера человека, противоборство в каждом из нас двух начал, были исследованы Вами и режиссером А. Гончаровым досконально, многолико, и, главное, со страстью. Самое поразительное качество почти всех Ваших героинь — их обнаженность души, яркость самоанализа. Они не могут существовать в ровном, размеренном течении жизни. Они как бы выламываются из общего ряда. Ничего в среднем регистре, все из самой высокой ноте, действительно, как Вы говорите, на пределе. Этим качеством особенно отмечены Ваши киноработы. Как теперь складываются Ваши отношения с кинематографом?

— Прохладно. В сценариях, которые мне довольно часто предлагают прочитать, роли фактически повторяют уже сыгранное мною. А это мне не интересно. Не так уж много

нам отведено в этой жизни времени, чтобы дублировать самое себя.

— Но так было не всегда. Мы все помним...

— Да, один раз произошло чудо. В «Неделе» как-то стала читать рассказ Г. Борщаговского «Три тополя на Шаболовке». Такой точный по правде чувств! Конец рассказа был на другой странице, и я долго не переворачивала ее, гадая про себя: будет ли соответствовать финал моему видению, той логике поведения, которую я увидела в героине. И точно... Не могла Нюра переступить через то высокое нравственное понятие долга, которое заложено в ней. И подумалось: вот эту драматичную правду русского характера я бы смогла сыграть. А дальше и произошло чудо. Через некоторое время раздался звонок режиссера Т. Лиозновой с предложением сняться в фильме «Три тополя на Плющихе», да еще с таким прекрасным партнером как Олег Николаевич Ефремов, который, на мой взгляд, является одним из самых правдивых и достоверных актеров у нас в стране.

— С какими режиссерами Вы больше всего любите работать?

— С талантливыми! С теми, у кого есть что сказать людям. Ну, а уж из их среды предпочитаю так называемых «актерских» режиссеров, любящих, знающих и умеющих донести свое видение через актера. Татьяна Лиознова это умеет — потому и успех у ее картин. Знают и понимают актера такие мастера нашего кино, как С. Герасимов, Ю. Райзман, Н. Михалков...

— Была бы возможность самой выбрать роль — кого бы Вы сыграли?

— Любую старуху в «Прощании с Матерью» В. Распутина.

— Старуху?!

— Да. Удивительно глубокие у него русские народные характеры. Хорошая сегодняшняя литература и драматургия видят мир жестко, обнаженно, резко, сплавливая трагическое и комическое, свободно переходя от быта к фантазмагории.

— Ну, это еще шекспировская традиция.

— Да, но о которой мы часто забываем. Сейчас вместе с режиссером Е. Еланской мы работаем над спектаклем по

В. Распутину «Живи и помни». Премьера будет в зале им. Чайковского, так сказать, в концертном исполнении: без декораций и костюмов. Ведь героине В. Распутина 20 лет.

— Вы в театре, кино, на телевидении, радио... Записи на пластинки... Теперь еще и зал Чайковского. Значит ли это, что театр Вас не насыщает?

— Нет. В театре я занята довольно плотно, да вы можете увидеть это и по репертуару, привезенному в Кишинев. Но бывает же, что очень хочется что-то сказать людям, а в театре в это время нет такой роли. Да и многое, сокровенное, личностное точнее выразишь через литературу, через поэзию. Так родилась моя программа «Россия, моя Россия», кстати, показанная тоже в зале им. П. И. Чайковского. Составлена она по прозе и стихам М. Цветаевой и С. Есенина. Казалось бы, что общего? При различной стилистике, несхожей манере письма, единое — в беззаветности любви к России, лирической страсти и безоглядности в выражении этих чувств. М. Цветаева сама это подметила. Ей принадлежат слова, что Сергей Есенин пишет «обнаженно, кровоточаще».

— Мне кажется, эти слова можно отнести и Вашим героиням, к тому, как Вы их представляете зрителям.

— Моя цель — не чернить и не обелять своих героинь, но приблизить их к той правде жизни, которую знаю сегодня я и знает режиссер. Героиня должна пройти по всем ступеням, ни одной не минув, особенно через страдание (увя, без этого нельзя), дабы прийти к нравственным открытиям. Она в начале спектакля и в конце — это разные люди. И в то же время — одно лицо. Если этой диалектики души нет — нет образа, а только бледная односторонняя копия жизни...

Так играет, говорит, мыслит и живет Татьяна Доронина, живет без страха «амортизации сердца и души», работая истово и самозабвенно, не жалея себя. На пределе. Своим существованием в искусстве она подтверждает слова поэта, что «цель творчества — самоотдача». Встреча с ее талантом — потрясение. Потрясение, которое очищает и возвышает душу!

М. ГОЛЕР.